

Н.Ф.ФЕДОРОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ ТРЕТИЙ

Москва
«ТРАДИЦИЯ»
1997

ББК 87.3(2)

Ф 33

Редактор И.И. Блауберг
Художник В.К. Кузнецов

Составление, подготовка текста и комментарии
А.Г. Гачевой при участии *С.Г. Семеновой*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту № 96-03-16131

Федоров Н.Ф.

Ф 33 Собрание сочинений: В 4-х тт. Том III. – М.: «Традиция», 1997.

ББК 87.3(2)

ISBN 5-89493-003-0

© «Традиция», 1997
© Составление, комментарии и научная подготовка текста А.Г.Гачевой при участии С.Г.Семеновой

приглашением к пожертвованию в общественное книгохранилище, и к пожертвованию не случайному, которое может быть полезно, может быть и обременительно. Прославление умерших писателей, приглашение к их изучению будет самою бескорыстною рекламою. Газета, помещающая на своих столбцах эти рекламы, эти списки, может дать своим читателям чрез некоторое время, в виде премии, не только каталог книг, но и словарь писателей, *синодик* (миная месячная), к которым может быть составлен и предметный указатель.

ДОЛГ АВТОРСКИЙ И ПРАВО МУЗЕЯ-БИБЛИОТЕКИ ¹⁴

Право музея-школы как представителя *всех* жаждущих знания, но не имеющих средств приобретать покупкою книги и всякие другие пособия для просвещения. Музей есть книга (библиотека), иллюстрируемая картинными, скульптурными галереями, объясняемая астрономическими, метеорологическими наблюдениями, физическими, химическими и всякого рода естественными опытами, – таково полное определение всенаучного и всехудожественного музея.

В № 106-м за прошлый, 1896 год, газеты «Дон» была перепечатана из «Русских Ведомостей» заметка «Долг авторов по отношению к публичным библиотекам». Об этой заметке были сделаны отзывы в нескольких газетах в разных направлениях, и, несмотря на направление газет, отзывы в общем были благоприятны. И тем не менее должно сказать, что заметка не только была мало замечена, но, к сожалению, не была, по нашему мнению, понята даже теми, которые прочитали ее. Такое непонимание должно отнести прежде всего к духу нашего времени, – в самом деле, трудно себе представить, чтобы в XIX веке, в великом, бескорыстном XIX веке, когда было произнесено великое слово, что и вера без денег мертва, трудно себе представить, чтобы в такое время крошечная заметка могла задаться мыслью создать библиотеку на всех языках и без копейки денег. «Московские Ведомости» справедливо заметили, что какой-то N ведет счет без хозяина¹⁵; но это значит, конечно, что N возлагает свое упование на небесного хозяина, на силу долга, потому что будущее не зависит от хозяина настоящего. Возлагая на авторов обязанность доставлять в библиотеку книги в таком виде или состоянии (переплетенными, с карточками), чтобы библиотека не имела нужды в деньгах, – заметка хочет избавить библиотеку от денежных расходов, а потому сделать ее не нуждающеюся и в приходах, чтобы она не обременяла по возможности ни государственного, ни городского, ни земского бюджетов. Заметка прямо направлена против выпрашивания денег, питает к такому выпрашиванию – к этому единственному в настоящее время способу существования библиотек – глубокое отвращение, а вместе питает такую надежду на могущество долга, что не останавливается ни пред каким увеличением требований долга и, не довольствуясь требованием от писателей

доставления их произведений, заметка требует от них и бесплатных указаний, и советов для занимающихся в библиотеках.

Но все это выражено в заметке так мягко, так, можно сказать, робко, что никем, как сказано, не только не было понято, но даже и замечено, а требования во имя долга превратились в какие-то вымаливания и выпрашивания. Так, говоря о том, что жалобы на неудовлетворительность публичных библиотек чаще всего можно слышать от самих писателей, т.е. от тех, произведениями коих наполняются библиотеки, заметка указывает, что удовлетворительное состояние публичных библиотек находится «в очень большой зависимости и от сознания писателями своего долга», тогда как надо было сказать — не в очень большой, а в полной зависимости от сознания писателями своего долга и не к тем, которые имеют средства приобретать книги за деньги; к этим, сказано в заметке, авторы относятся очень внимательно, — нужно же сказать, что к покупающим книги авторы относятся с такой внимательностью, что вынуждают признать и нынешнюю науку, и нынешнюю литературу служанками денег и их обладателей; т.е. нынешние писатели знают только авторское право, литературную собственность и совсем не сознают своей обязанности к публичным библиотекам, служащим всеобщему просвещению, просвещению тех, которые не имеют средств приобретать книги и всякие другие к тому пособия. В заметке относительно сознания писателями вышеозначенного долга мягко говорится: «нельзя сказать, чтобы сознание это было особенно развито»; а надо было сказать, дабы обратить внимание кого следовало, — что и зачатка этого сознания в писателях нет, поэтому-то даже тот налог, которым правительство вынуждено было обложить писателей ради бесплатного чтения алчущих и жаждущих знания, вынуждено было только потому, что сами писатели, стоящие во главе общества, не додумались обложить сами себя добровольным налогом для удовлетворения этой святой потребности, — даже самый этот налог не исполняется, или — что еще безнравственнее — исполняется самым бессовестным образом, причем в видах своего оправдания ссылаются на типографии, на издателей и т.п. Благодаря такому отношению писателей к общественному благу, публичные библиотеки стали собранием дефектов, т.е. таких экземпляров, которые были бы брошены, если бы закон не вынуждал авторов доставлять их произведения чрез цензурные комитеты в публичные библиотеки для бесплатного пользования всех без исключения.

Не продолжая, однако, разбора заметки «О долге авторов по отношению к публичным библиотекам», которая не только со вниманием нами прочитана, но и изучена в подробности, и проникаясь духом этой заметки, вместе с нею скажем, что замена дефектных экземпляров вполне исправными еще не была бы со стороны писателей исполнением всего их долга, а лишь началом исполнения. Необходимо, чтобы все произведения тотчас по поступлении в библиотеку делались достоянием публики*;

---

* О медлительности цензурных комитетов мы не говорим: потому что если такая медлительность и есть, то не надо забывать, что на цензурные комитеты возложена обязанность рассылать книги по библиотекам по той лишь причине, что авторы сами, по нравственному, ве-

лиотечное описание книг, требующее и много времени, и много рук, особыми карточками при книгах. Что такое библиотечная карточка, об этом говорится в брошюре Кваскова «Библиотечная реформа», и особенно в статье «Дона», № 119-й за 1896 год – «Что значит карточка, приложенная к книге»... При полном равнодушии писателей к публичным библиотекам, как же должны быть благодарны пользующиеся этими библиотеками тем писателям, которые добровольно, не ожидая принуждения, снабдили свои сочинения или издания сказанными карточками?!.. Таких, однако, не много, и чтобы приложение карточек к книгам сделать всеобщим, придется, вероятно, заведующим публичными библиотеками прибегнуть к правительству с просьбой о принуждении этих, если позволительно так выразиться, недорослей к тому, чтобы они доставляли в публичные библиотеки экземпляры своих произведений не только полными, в совершенной исправности, на прочной бумаге, переплетенными, но и снабженными библиотечными карточками. Исполнение одного уже этого для библиотек, т.е. для читателей, принесет громадную пользу, а от самих авторов потребует небольшого лишь внимания к общему благу и самого незначительного материального расхода.

Но и доставлением вполне исправных экземпляров с напечатанными библиотечными карточками долг авторов по отношению к публичным библиотекам еще не исчерпывается; от них требуется пожертвование для библиотек личным трудом, умственными силами; к мертвому собранию книг нужно призвать самих пишущих эти книги, потому что нужно иметь специалистов по всем отраслям человеческого ведения для того, чтобы они могли по всем предметам руководить занимающимися в библиотеке, так что все высшие учебные заведения стали бы факультетами библиотеки, или музея; и музей сделался бы высшим для средних и низших учебных заведений и общим для всех высших, и даже превысшим, потому что в нем учают сами учащие в высших учебных заведениях.

И теперь можно указать людей сведущих, ученых, которые готовы содействовать своими познаниями – хотя и не часто, – занимающимся в музеях; но эта помощь, кое-кем, кой-когда оказываемая, – недостаточна; для музея нужна помощь совокупная, всеми и всегда делаемая. На одного из писателей, уже умершего, заметка указывает как на образец того, что желательно для музея, и мы не можем не повторить здесь, что писатель этот – Н.Д. Лодыгин – занимался в Московском Румянцевском музее постоянно и кроме того, что не отказывал никому из прибегавших к нему за советом по предметам, ему известным, он выписывал для себя только такие сочинения, которых не было в музее, т.е. то, что называется *desiderata*. Мало того, он сам, собственноручно, сделал то, что в заметке предлагается делать посредством печати; он сам написал карточки к книгам своей библиотеки по образцу музейских, с тою, впрочем, разницею, которую налагает любовь к учреждению, которому он желал преподнести свою библиотеку и свой труд. Его карточки доказывают – вопреки мнению современных эконо-

---

роятно, несовершеннолетию, не додумались, как сказано, или же не хотели исполнить свой долг.

мистов, — что неоплаченный, но добровольный труд имеет изумительное преимущество пред наемным, платным трудом. К несчастью, Николай Дмитриевич Лодыгин недолго жил, а по смерти, его бездупетная библиотека, из одних desiderata состоящая, поступила в музей и тотчас была открыта для пользования. Только такой способ составления частных библиотек, который должно назвать лодыгинским, и имеет значение, приносит пользу не одному составителю, но и всем.

В последнее время размножение книг приняло чрезвычайные размеры, хотя, а может быть, и потому именно, что не все еще сделались пишущими, не все еще обладают полнотою органов выражения; и потому, может быть, увеличиваясь количественно, книги понижаются качественно, потому, быть может, качественное, или внутреннее, их достоинство и не соответствует количественному размножению, так что библиотеки в наше время служат, можно сказать, выражением большею частью болтливости меньшинства и глубокого молчания, совершенной немоты громадного большинства. Многоговорение и немота прекратятся, надо полагать, только тогда, когда письменность, или литература, будет произведением всех и потому станет деловою, а вместе и народною, подобно тому, как была народна устная литература. Может показаться, что требование от всех уменья выражаться письменно — требование чрезмерное; но зачем же тогда и всеобщее-обязательное образование, если невозможно достигнуть даже этой незначительной, простой стадии?!.. Библиотеки в настоящее время не достигли ни внешней, ни внутренней полноты и, вместе с тем, страдают гипертрофиею, которую отделить от здоровой части невозможно. До развития же этой болезненной тучности, библиотекою какого-либо народа называлось полное собрание книг (или произведений, созданных выразителями народной мысли и души), назначенное не для чтения только или изучения, но и *для обозрения, и для почитания*. Потому-то книги и хранились не в закрытых шкафах, а за стеклом, и самые переплеты имели целью не сохранность лишь книг и не красоту внешности, а указание на автора, для чего на корешке четкими, золотыми литерами выбивалось название книги и особенно имя уважаемого автора, которых хотя было и немного, но каждый почти имел большую ценность. Это указание дополнялось еще бюстом сочинителя, выставлять которые в библиотеках, при сочинениях каждого автора, вошло в употребление со времен еще римлян или даже греков. Сочинения же наиболее чтимых писателей не оставались закрытыми в шкафах, а выставлялись для обозрения в горизонтальных витринах (на столах за стеклом), раскрытыми на особенно замечательных местах.

Таким образом, библиотека была и должна быть не просто собранием книг, а памятником, сооруженным предкам, в котором книги суть души писателей, а бюсты — их тела. Библиотека основана на глубоко нравственных началах; но при нынешнем положении библиотек, вызванном крайним размножением книг, эта нравственная основа затемняется, так как библиотека обращается в простое книгохранилище с отделением для чтения книг; и чтобы восстановить первоначальное значение библиотек, восстановить их нравственный смысл, необходимо устройство еще третьего отдела в библиотеках — отдела выставочного. При устройстве этого отдела библиотека будет

делиться на три части: хранилище, место для чтения и исследования и выставка. Хранилище, это слабо освещенное место, имеет целью на наименьшем пространстве разместить наибольшее количество книг при условии наибольшей сохранности и возможности легко их отыскивать и извлекать. Такое устройство хранилища и делает для библиотек обязательным устройство выставок, потому что только при выставках библиотеки сохраняют первоначальное, т.е. нравственное свое значение памятников писателей; и календарный порядок таких выставок есть единственно естественный порядок, потому что только при этом порядке для каждого писателя будет свой день поминовения, свой день выставки его произведений, его бюста, изображений факсимиле, и вообще всего, после него сохранившегося, для уяснения личности писателя, его значения, для полного его восстановления. (См. «Библиография. Знание популярное, энциклопедическое, мнимое, и знание действительное» и «Екатерининская выставка в воронежском губернском музее» – «Дон», 1896 г., №№ 122 и 132.)

Если хранилище сравнивать с могилой, то чтение, или точнее исследование, будет выводом из могилы, а выставка как бы воскресением.

В настоящее время выставки – явления весьма редкие, чисто случайные, они не признаются необходимою и священною обязанностью библиотек. Так, петербургская библиотека, выставив раз навсегда небольшую часть своих книжных богатств, не признает за остальными, за самую большую часть, права выхода на свет, на выставку; т.е. петербургская библиотека есть книга, которая всегда остается открытою на одной и той же странице. Московский Румянцевский музей, устроив екатерининскую выставку¹⁶, отказался от монополии инкунабулов, признав право на воскресение не за одними произведениями XV века. Воронежский же музей, устроивший выставки коронационную, екатерининскую, выставку религиозных картин и предполагающей, как мы слышали, устроить выставки петровскую и митрофаньевско-тихоновскую, в признании за музеями обязанности выставок занял первое место... Чтобы сделаться учреждениями вполне живыми, музеям и библиотекам должно признать обязательность выставок по отношению не к некоторым только, а ко всем авторам-писателям.

Долг к таким библиотекам, как московская или петербургская, лежит не на одних русских авторах. Всякий народ, имеющий свою литературу и свою национальную библиотеку, имеет право на обмен с другими народами, обладающими литературою и центральными библиотеками, т.е. всякий писатель, кроме обязательно-книжного налога для своих центральных библиотек, должен быть готов на добровольное или и обязательное со стороны своей государственной власти пожертвование для всех народов, обладающих сказанными условиями.

В то время, когда зарождался союз России с Франциею, и Франция, по видимому, изыскивала только способы, которыми можно было бы выразить свое расположение к России, в это время возникла мысль об обмене с Франциею произведениями литературы вообще, или же хотя только произведениями научной литературы. Такой обмен, давая возможность взаимного знания, служил бы наилучшим выражением самого союза, а вместе и закреплял бы его. Мысль эта возникла из глубокого уважения, которое

питают у нас вообще к иностранцам, а к иностранным писателям и ученым в особенности. Если у нас, полагали в России, писатели жертвуют одиннадцать экземпляров и не жалуются на тягость налога, то что же нужно ожидать от писателей благородной, республиканской, цивилизованной, культурной Франции! Думали же это, не понимая ни республики, ни цивилизации, ни культуры. Оказалось, однако, что писатели благородной Франции тяготеют даже налогом в два экземпляра, а третий экземпляр, по мнению компетентных людей, ни в каком случае в палатах не пройдет. Не слушая об обмене, Франция, со своей стороны, в то же время делала нам предложение о литературной конвенции, воспрещающей делать переводы без согласия авторов, т.е. Франция желала получить с нас плату за переводы. Конечно, наше предложение возникло из слабого развития авторского права, французское же – из совершенного отрицания авторского долга. Научить нас авторскому праву взялся первый писатель Франции Золя¹⁷; и хотя право как проявление эгоизма, как всякий порок, легко воспринимается, однако на этот раз Золя потерпел полную неудачу. Но кто научит долгу Францию – вот в чем вопрос, – когда Франция и вся Западная Европа считают святым делом защиту права каждого на наживу как единственную цель в жизни, т.е. признают полную бесцельность существования. С экономической точки зрения, с точки зрения права и литературной собственности, литературные произведения являются средством наживы, школы необходимы для приготовления потребителей литературного товара, обучение – реклама, учителя – агенты этой громадной спекуляции, имеющей целью создать из ученых и литераторов – сословие миллиардеров, которое эксплуатировало бы всех, не исключая самих эксплуататоров-капиталистов. Все народы должны быть данниками этих кулаков – кулаков новой, высшей формации. Сама литература, превращающаяся в повременную, поденную (журналистику), как орудие промышленности, своими рекламами только соблазняет, обольщает; вся так называемая философия, как орудие промышленности, имеет целью убедить взрослых, а чрез учителей – и не взрослых, что нет другого блага, кроме того, которое создается промышленностью и приобретается на деньги (см. «Авторское право» и «Плата за цитаты» – «Дон», 1896 г., №№ 112 и 114¹⁸)... Чтобы понять, до какой степени преступна экономическая и юридическая точка зрения на литературную деятельность, нужно припомнить происхождение языка и словесности: первыми словами языка были выражения взаимного родства, до сих пор сохранившиеся на всех языках почти тождественными. Мысли об утрате и о смерти родились и выразились в слове современно с началом языка родства, сила которого почувствовалась только при утрате. Молитва (заклинания) живущих об оживлении умерших была началом и словесности, и религии. Вот какого великого дела было выражением слово, или словесность человеческая, точнее – сынов человеческих и во что превратилась словесность теперь, когда на произведения словесности смотрят как на продажный товар.

Истинным творцом центральных библиотек всех народов может быть лишь долг авторский.

Долг имеет обширное, всеобъемлющее значение. Он касается не одних авторов словесных произведений, но требует и от всех художников дани,

приношения снимков с их произведений живописных, скульптурных, архитектурных при подробном их описании, и вообще требует от всех начатков их трудов, трудов их отцов, дедов, предков – в виде моделей или образчиков работ; долг вместе с тем требует и изображений самих труждающихся и трудившихся – виновников существования этих произведений, т.е. за вещь нужно показать человека, лицо; ибо вся задача вещественных собраний старины (музеев) заключается именно в открытии лиц, их создавших, в воспроизведении их создателей, и если <бы> это воспроизведение было действительным, то не было бы и вопроса о смысле и цели жизни.

Таким путем были бы созданы не одни центральные музеи, но и музеи местные при архивных комиссиях и статистических комитетах.

Долг, который заметкою, перепечатанною в № 106 «Дона» за прошлый год, возлагается на одних писателей, необходимо распространить на всех отцов, желающих блага своим сынам. Только при всеобщем содействии могут быть устроены школы везде, где есть рождающиеся, и музеи – везде, где есть умирающие, – в союзе, конечно, с храмами. (См. «Предисловие к сказанию о построении обыденного храма в Вологде», «Чтен<ия> в Общ<естве> Ист<ории> и Древн<остей> Росс<ийских>», том 166; «Вопрос о Каразинской метеорологической станции в Москве» и «К вопросу о памятнике В.Н. Каразину», – «Наука и Жизнь», 1893 г. № 44 и 1894 г. № 15/16-й.) Только этим путем и можно возратить сердца сынов отцам; а вопрос об отцах и детях есть существеннейший вопрос нашего времени, о котором здесь, к сожалению, приходится лишь мимоходом упомянуть. Впрочем, говорить о музее и особенно о повсеместном устройстве музеев-школ – это и значит говорить об отцах и детях, т.е. об их примирении.

На правительстве, как стоящем «в отца место», лежит обязанность по отношению к писателям как отцам, воспитателям народа, – собирать, сохранять, делать доступными их произведения для обозрения, почитания, чтения и особенно исследования, которое не может иметь другой цели, как по произведению восстановить его автора, его внутреннее и внешнее обличье, потому что за книгами, неодушевленными, по-видимому, вещами, всегда скрываются живые существа, писавшие их.

Музей есть создание верховной власти, стоящей в праотца место, и создание необходимое, по крайней мере, для Императора, царствующего по милости Бога-отцов. На всех же сынах человеческих лежит обязанность приносить дань, т.е. быть верноподданными, приносить дань этому учреждению верховной власти, которое воспитывает сынов в долге к отцам; руководителем же сынов человеческих, ведущим их к исполнению этого долга, и является стоящий в отца – или праотца – место. Верноподданство, объединяя всех в деле отеческом, тождественно братству. Звание верноподданного несравненно выше звания гражданина, не знающего родства, – выше настолько, насколько нравственное выше юридического.

По долгу музей принимает в себя все, и доброе и злое, пшеницу и плевелы; доброе вносится в музей для его водворения и распространения в жизни; злое же сдается в музей, как выводимое из жизни и употребления, и сохраняется как напоминание о том, чего не должно быть; но то и другое служат для воспроизведения их создателей. Под пшеницею и плевелами

разумеет не лица добрые и злые, а те условия, те предметы-вещи, которые их делают или способствуют им делаться добрыми или злыми.

Музей не есть собрание лишь вещей, но собрание и тех, которые произвели эти вещи. Умолять ученых, чтобы они хотя раз в месяц навещали музей для руководства занимающихся в нем, — это значит унижать долг; долг может только повелевать, приказывать, требовать всего и от всех. Долг требует не только дани, но и жертвы, готовности пожертвовать собою за возвращение жизни прошлому, отцам, т.е. требует готовности пожертвовать собою ради будущности прошедшего.

Н.Ф. Федоров, В.А. Кожевников

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ МОСКОВСКОГО РУМЯНЦЕВСКОГО МУЗЕЯ¹⁹

Когда стало известно, что Я.Ф. Браве, автор краткого исторического очерка Румянцевского музея, намеревавшийся и, быть может, уже начавший писать подробную его историю, скончался от мозгового переутомления, нельзя было не признать, что жизнь свою, отданную стольким трудам, он положил также и за музей, как за дело, в высокой пользе которого он был твердо убежден. В его касающемся музея произведении, выручку от которого он пожертвовал на нужды музея же, должно видеть труд не только бескорыстный, но и самоотверженный. В истории музея Я.Ф. заслуживает не только упоминания. Много было жертвователей на музей, но ни один, подобно Я.Ф., не отдавал ему своего здоровья и жизни. И другие труды Якова Федоровича, конечно, не могут быть названы корыстными, так как они доставляли ему лишь необходимые средства к жизни; труд же его для музея был безусловно добровольный и чрезвычайно старательный. Для составления его он не только перечитал все, что было напечатано о Румянцевском музее, но и многое из литературы о музеях вообще на русском и иностранных языках; он пользовался и рукописными источниками. Своего первого историографа музей должен бы почтить так или иначе: желательно было бы видеть хотя бы портрет Я.Ф. помещенным в музее на том именно месте, где покойный бескорыстно и самоотверженно занимался историей этого учреждения.

ЗАМЕТКИ К СТАТЬЕ О ДОЛГЕ АВТОРСКОМ²⁰

Для обеспечения правильного поступления всего выходящего в России и всего лишь научного вне России еще нужно, кроме внешнего закона внутри и международной конвенции вне, обратиться к долгу авторов и развить это учение о долге писательском до такой полноты, каковой достигла в настоящее время наука о праве авторском и литературной собственности*.

---

* Книга не пользуется даже правами самой ничтожной вещи; она считается ниже всякой вещи, образчиком бесправия.

Для помещения же увеличенного числа книг и др. нужно:

1) Восстановить здание Музея к юбилею его строителя (Баженова) в том виде, в каком оно было вначале, – как видно на гравюре Антинга. В гравюре Антинга, 1789 года, мы видим Музей таким, каким он вышел из рук Баженова и Казакова и каким он *должен сделаться*, чтобы быть всенаучным, т.е. с обсерваториею, с геологическим разрезом, зоологическим садом.

2) Создать новый Музей (по непоместительности старого), восстанавливая то здание Белого города, которое видно на гравюре Пикара 1714 г.

[И, наконец, нужно] исполнение обета построения храма, данного после перенесения Музея в Москву и не раз возобновляемого или напоминаемого.

* * *

Говорить с людьми XIX века о долге авторов к библиотекам, конечно, очень преждевременно. Нужно говорить не о том, что они должны делать, а только о том, чего не должны бы делать. Если писатель²¹, постоянно толкующий о нравственности, о нравственности суровой, требует себе книгу из библиотеки, открытой *для всех*, а не сам идет, как это делают все, требует к себе в дом за 200 и более верст от самой библиотеки, *не значит ли это предпочитать себя всем другим*. Этот писатель признает свое право только к библиотеке, что он доказывал много раз, и не признает обязанность, что также он доказывал до сих пор постоянно.

переоборудования читального зала, составления систематического каталога (560 тыс. рублей). Федоров отнесся резко отрицательно к статье «непрошеного ходатая за Музей», считая, что не на деньги должен он возлагать свою надежду, а на добровольный труд и безвозмездную помощь, к которой и призывал в своих статьях (подробнее о статье «Замерзшая библиотека» см. примеч. к письму Н.Ф. Федорова Н.П. Петерсону от 18 декабря 1892 – Т. IV наст. изд.). – 231.

¹⁴ Печатается по: «Дов», 1897, 1 июля, № 72. В фонде Н.П. Петерсона хранится вырезка из этого номера газеты с поправками Н.Ф. Федорова (все они учтены в тексте). Републикация: «Русская философия собственности (XVII–XX вв.)». СПб., 1993, с.144–153. – 233.

¹⁵ «Авторы и публичная библиотека» // Московские ведомости, 1896, 5 сентября, № 244. Подробнее см. примеч. 1. – 233.

¹⁶ Выставка в память 100-летия со дня кончины Екатерины II была развернута в Московском Публичном и Румянцевском музеях в ноябре – начале декабря 1896 г. Ее основу составили коллекции известных собирателей П.А. Ефремова, Н.П. и В.Н. Рогожиных, А.П. Бахрушина: портреты и автографы императрицы, современных ей писателей и деятелей, редкие издания ее эпохи и т.д. Первоначально они были выставлены на торжественном заседании Московского общества любителей российской словесности, посвященном памяти императрицы и проходившем 17 ноября 1896 г. в актовом зале Московского университета, а затем перенесены в дом Пашкова и открыты для всеобщего обозрения («Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1896 г»). М., 1897, с. 12–13). – 237.

¹⁷ В 1891 г. французское правительство возбудило вопрос о возобновлении русско-французской конвенции об охране литературной и художественной собственности (такая конвенция была подписана в 1861 г., а в 1887 расторгнута по инициативе России). Конвенция должна была урегулировать отношения между французскими и русскими авторами, издателями, переводчиками и постановщиками. На протяжении нескольких лет (1891–1894 гг.) вопрос о конвенции активно обсуждался в русской печати, приобрел своих сторонников и своих противников, которых, кстати, было большинство. Последние высказывали сомнение, нужна ли такая конвенция России, заинтересованной в широком распространении на Западе плодов ее мысли и культуры и одновременно стремящейся к распространению на русской почве научных и художественных достижений европейских стран. Конвенция, введя плату за переводы, неизбежно снизила бы число переводных сочинений (так, за время действия конвенции 1862 г. «ни один французский роман не был напечатан в России в переводе» // Книжный вестник, 1894, № 2). Ухудшилось бы, объясняли противники конвенции, и качество переводов (в силу неизбежного стремления издателей найти не столько хороших переводчиков, сколько недорогих), переводные книги резко бы вздорожали, а значит стали менее доступны рядовому читателю. Самая же печальная судьба должна была ожидать научные сочинения, тираж которых и так был невелик и доход от которых едва покрывал издержки издания.

Интересно, что Л.Н. Толстой в № 9 «Книжного вестника» за 1891 г. выступил с заявлением, по которому предоставлял всем желающим право свободно печатать и переводить за границей, ставить на сцене все его сочинения, написанные до 1881 г.

24 декабря 1893 г. французская газета «Temps» опубликовала «Открытое письмо к русским литераторам», принадлежавшее перу Э. Золя. Известный романист горячо приветствовал идею литературной конвенции с Россией и высказывался за скорейшее ее подписание. А в январе–феврале 1894 г. состоялись 3 расширенных заседания Русского Общества книгопродавцев и издателей, посвященных вопросу о конвенции. Основной доклад делал И.Д. Гальперин-Каменский, профессор русского языка в Париже, уполномоченный представлять в этом вопросе сторону французских литературных и художественных обществ (среди этих обществ было и «Общество литераторов», созданное еще в 1838 г. для защиты авторских прав писателей и с 1893 г. возглавлявшееся Э. Золя). Прения по его докладу были оживленными, и большинство участников собрания высказались против русско-французской конвенции, считая целесообразным сначала реформировать отечественное законодательство о литературной собственности, которое в новой редакции смогло бы защитить и права иностранных авторов; в перспективе же, постановило собрание, может быть поставлен лишь вопрос о присоединении России к международной Бернской конвенции по автор-

скому праву, заключенной 9 сентября 1886 г. и объединявшей к 1894 г. основные государства Европы. Нужно сказать, что некоторые участники собрания отстаивали почти что федоровскую точку зрения, выступая против «всяких препятствий, мешающих проникновению идей в общество» и говоря, что «право свободного взаимного перевода и есть лучший способ обмена услуг и общения различных национальностей» («Книжный вестник», 1894, № 2, с. 70).

Вопрос о русско-французской литературной конвенции так и остался открытым и был возобновлен уже в 1902–1903 гг. – 238.

¹⁸ Статьи самого Н.Ф. Федорова (помещены в настоящем томе в разделе «Статьи о литературе и искусстве»). – 238.

¹⁹ Печатается по: «Русские ведомости», 1899, 11 марта, № 69. Заметка, посвященная памяти юриста, экономиста Якова Федоровича Браве (1860–1899), была написана Н.Ф. Федоровым совместно с В.А. Кожевниковым 24 февраля 1899 г. (см. письмо Н.Ф. Федорова Н.П. Петерсону от 3 марта 1899). Я.Ф. Браве был постоянным читателем библиотеки Московского Публичного и Румянцевского музеев и на протяжении ряда лет близко общался со знаменитым библиотекарем. В 1898 г. под псевдонимом «Е. Варб» выпустил книгу «Одно из наших центральных просветительных учреждений (Очерки Румянцевского Музея)». Замысел книги сложился под влиянием бесед с Федоровым, а в самом тексте было высказано немало его заветных идей (см. примеч. 236 к «Отечественоведению»). Излагались, конечно, без указания имени автора, и основные библиотечные проекты мыслителя: «Проект франко-русского обмена научно-литературными произведениями. – Вопрос о реформе каталога... – Долг авторов по отношению к Музею», – так звучали подзаголовки (см.: В.С. Борисов. Новые материалы к биографии Н.Ф. Федорова. Уход Н.Ф. Федорова из Румянцевской библиотеки // Начала, 1993, № 1, с. 150–151). В фонде Н.П. Петерсона сохранились два письма Я.Ф. Браве к Н.Ф. Федорову от 27 и 31 декабря 1898 г., написанные всего за полтора месяца до смерти. В последнем из них Я.Ф. Браве сообщал, что хочет переработать свой очерк, «дополнив его и поставив дело более научно и серьезно. Книжка, – подчеркивал он, – имела незаслуженный успех. Слишком она, однако, суммарна и публицистична. Единственное оправдание для меня – это то, что я хотел к концу года (когда решаются сметные назначения и о Музее могут разговаривать в Государственном Совете) дать книжку, напоминающую о положении Музея» (ОР РГБ, ф. 657, к. 4, ед. хр. 12, лл. 11–12). – 240.

²⁰ Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 58, лл. 1–2. Название дано составителями. – 240.

²¹ Речь идет о Л.Н. Толстом. – 241.

²² Печатается по: ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 58, лл. 3–6. (копия рукой Н.П. Петерсона – к. 3, ед. хр. 4, лл. 283–288). Статья была написана в конце декабря 1897 г. и предназначалась к публикации в газете «Русское слово». Она была набрана, причем редакция предварила текст «Письма...» следующим примечанием: «Давая место письму почтенного автора на страницах «Русского слова», редакция признает оригинальность мыслей, но решительно слагает с себя всякую ответственность за содержание их». Почти сразу же возникли сложности цензурного характера. Печатание статьи откладывалось. В конце концов Федоров написал новый вариант статьи, который также был набран и также столкнулся с цензурными препонами. Преодолеть сопротивление цензуры так и не удалось, статья осталась в гранках (21 февраля 1897 г. Н.П. Петерсон писал Н.Ф. Федорову: «С нетерпением ожидаю обещанные Вами гранки, в которых статья, поднимающая вопрос о детях и отцах, напечатана в новом, измененном виде» (ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 94)).

В архиве Н.П. Петерсона сохранились гранки первого и второго вариантов статьи с внесенной в них правкой и многочисленными дополнениями, сделанными как в процессе работы над вторым вариантом, так и после запрещения статьи. Вся правка Н.Ф. Федорова учтена в данном издании. Варианты соединены в единый текст (в главных чертах эта контаминация была произведена еще Н.П. Петерсоном при подготовке статьи для III тома «Философии общего дела»). – 242.

²³ *Малахия* – последний из ветхозаветных пророков (ок. 400 до Р.Х.). Им было предсказано явление Мессии, рождение Иоанна Крестителя («первого пророка Нового Завета», призванного «уготовать путь Господу», и грядущий Суд Божий. День памяти пророка Ма-